

«э! Богъ съ ними! пускай ихъ! я и съ цвѣточками проживу!» И живу-съ! Осенью придешь домой, спустишься въ оранжерею — сердце-то словно у любовника при свиданіи бьется! Здѣсь, батюшка, природа, здѣсь все чисто, хорошо... Растетъ себѣ цвѣтокъ, — растетъ, цвѣтетъ, плодъ приносить — и никто отъ этого не страдаетъ. Душа отдыхаетъ, на нихъ глядя, — ей-Богу-съ! Какъ и жить, если не любить ее, природу - то! Я зналъ тоже одного учителя... Хорошій человекъ былъ, но тоже скучалъ — вотъ какъ вы же, къ примѣру. Также людей не могъ найти по себѣ — онъ себѣ ищетъ честныхъ, да умныхъ, да образованныхъ, а здѣсь такихъ въ ту пору не видно было, особенно съ перваго взгляда-то. Ему покопаться бы надо — нѣтъ ли, дескать, гдѣ-нибудь, а онъ сразу же отъ нихъ въ сторону. Такъ тотъ чуть бывало захандритъ, сейчасъ: «Кузьма Мосеичъ! идемъ рыбу ловить». Или: «Кузьма Мосеичъ, идемъ на охоту». И чудесно! Смотришь, парень-то и отойдетъ — и улыбка, и слово мягкое, и взглядъ свѣтлый — все появится. И народъ нашъ ему въ ту пору лучше кажется... Такъ-то-съ!

Они взобрались уже въ горницу, и Акулина подала имъ чаю.

— Водочку не пьете? — спросилъ Кузьма Мосеичъ и, не дожидаясь отвѣта, добавилъ: — Я, грѣшнымъ дѣломъ, пью помаленьку; а лѣтъ двадцать-пять тому назадъ и совсѣмъ пьянствовалъ. Года три пилъ... Во время войны только опомнился. «Что, думаю, за ерунда такая! люди въ Севастополѣ умираютъ, а я пью!» И бросилъ, цвѣтами занялся.

«А дай попробую и я выпить», подумалъ Корневъ. Онъ какъ-то особенно былъ настроенъ сегодня: ему хотѣлось сдѣлать что-нибудь не обыденное, что отличалось бы отъ всенеднейной, будничной жизни.

— Налейте и мнѣ, пожалуй, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

— И отлично, выпейте... Ова, родимая, тоже иногда помогаетъ.

Корневъ рѣшительно взялъ рюмку и выпилъ всю. Водка обожгла непривычное горло и огнемъ разлилась по жиламъ. Немного спустя, у него заблестѣли уже глаза, зарумянились щеки.

— Счастливый вы человекъ, Кузьма Мосеичъ: не скучаете... А я какъ скучаю, еслибы вы знали! — началъ онъ, немного помолчавъ.

— Знаю, знаю, — покачалъ Кузьма Мосеичъ головой: — по себѣ знаю. Мѣщанинъ я, недоучка, а кой-что читалъ, кой-что слыхалъ. Ну-ка, каково мнѣ самому было въ то время? У тебя